

Особенно важна при этом эстетическая функция поведения: автор украшает свою личность чужими свойствами.

Одна из программ поведения, актуальных для людей конца XVIII в., давно была известна под названием «бытового вертеризма». Казалось очевидным, что волна самоубийств в конце XVIII в. была возбуждена романом Гете, что были когда-то самоубийцы, которые реализовывали в своей жизни сюжет «Вертера». «Вертер» казался ключом к значению культа самоубийства в тогдашней европейской культуре.

Но в этот период были актуальны и другие образцы самоубийц. Это были герои старого Рима: Брут, Тразей, Сенека и, самый важный среди них, Катон Утический.⁶⁶ Жизнеописания их — и сценарий для личного поведения — находили в произведениях Плутарха и Тацита (прокомментированную обработку которых дали Роллен и Кревье в своей «Римской истории», переведенной на русский язык Тредиаковским), в так называемых «галереях знаменитых самоубийц»⁶⁷ и в трагедиях. Для восприятия образа Катона особенно важна одноименная трагедия Аддисона 1713 г.

Фигура Катона представляла русским дворянам XVIII в. программу поведения, которой часто следовали. Эта программа подразумевала демонстрацию нескольких героических свойств: радикальная, стоическая мораль; мнение, независимое от общего (т. е. придворного, государственного); невозмутимость при лишениях; неустрашимость перед смертью. В среде русских состоятельных дворян, боровшихся за политическое влияние, подобное поведение было связано с новыми представлениями о дворянском достоинстве.⁶⁸ Это делало актуальным образ римской республики вместе с образом главного ее героя, погибшего в борьбе с первым императором-деспотом. Актуальность и в то же время условность «катонского амплуа» отмечены Д. И. Фонвизиным. В своей «Всеобщей придворной грамматике» он называет «подлыми душами шестого рода» тех, которые притворяются «Катонами», но в решительные моменты демонстрируют старое, раболопное и, по мнению Фонвизина, уже нечестное

⁶⁶ Образ Катона представлял собой программу поведения для самоубийц уже в старом Риме. Сам Катон ориентируется на самоубийство Сократа; он «цитирует» его своим чтением «Федона», в котором описана смерть философа. См.: *Griffin M. Philosophy, Cato, and Roman Suicide // Greece and Rome. V. XXXIII. № 1 (April 1986). P. 64—77; № 2 (Oct. 1986). P. 192—202.*

⁶⁷ Ср.: *Rost H. Bibliographie des Selbstmords. Augsburg, 1927.* Здесь упоминаются 4 многотомные биографии самоубийц, изданные на немецком языке в 1785—1805 гг. Самой известной из них была, кажется: *Spieß Chr. H. Biographien der Selbstmörder. Leipzig, 1786. 4. Bände.* Произведение X. Шписа было переведено на французский язык в 1798—1807 гг. и два раза на русский язык, т. е. в 1808 г. (с фр.) и в 1812 г. (с нем.). См.: *Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. СПб., 1904. Т. II. С. 229.*

⁶⁸ Ср.: *Гуковский Гр. Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750-х—1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 47—56 (глава: Дворянская честь и воспитание дворянства).* Образцом этого поведения являлась также фигура Якова Долгорукого. Так, П. И. Панин осознавал себя новым Долгоруким и Катонем (там же. С. 55—56; 132—134).